

Секция I. ПОЛИВАРИАНТНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ. ПРОЕКТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ЭТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Е. В. БЕЛЯЕВА

Минск, БГУ

ОТ ЭТИКИ ЦЕННОСТЕЙ К ЭТИКЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В современном мире происходит переход от «этики ценностей» к «этике ответственности», в которой сохранение нравственных ценностей и их воплощение возможно только благодаря ответственному субъекту морали.

Ключевые слова: этика ценностей, этика ответственности, ценности, моральный субъект.

E. BELYAEVA

FROM ETHICS OF VALUES TO ETHICS OF RESPONSIBILITY

Abstract. In the contemporary world there is a transition from an “ethics of values” to an “ethics of responsibility”, in which the preservation of moral values and their implementation is possible only thanks to the responsible subject of morality.

Keywords: ethics of values, ethics of responsibility, values, moral subject.

Ценностная проблематика является весьма актуальной в научных исследованиях, чему способствовало возникновение аксиологии как особого учения о ценностях в начале XX века, которое развивалось в неокантианстве и феноменологической этике. Применительно к нравственной тематике термин «этика ценностей» используется обычно применительно к учению М. Шелера [1], хотя понятно, что его можно возводить еще к Аристотелю и использовать по отношению ко всем анти-кантианским, анти-ригористическим этическим учениям, т. е. противопоставлять «этике долга».

Последующее развитие социологических теорий, в которых был составлен тезаурус основных жизненных ценностей людей, и социологических методов, позволяющих производить их количественные измерения, еще более повысило популярность употребления термина «ценности» в самых различных контекстах. Три волны исследования под названием «Европейские ценности» [2] показывают устойчивое ядро и динамичную дифференциацию аксиологического мира европейцев.

Эти тенденции в области социально-философской мысли можно оценить в контексте общей установки культуры модерна на активное отношение субъекта к объекту, приведение мира в соответствие со своими представлениями о правильном положении вещей. Как отмечал А. А. Ивин, «центральный вопрос аксиологии – это разграничение сущего и должного» [3, с. 67]. Поэтому осмысление социальной и духовной проблематики в терминах ценностей означает ориентацию на активизм, оптимистическое представление о возможностях человека преобразовывать действительность. В той степени, в которой эта возможность реализуется, сохраняется и актуальность ценностной проблематики. В этих условиях огромное внимание уделяется «воспитанию ценностей подрастающего поколения», «формированию ценностей студенческой молодёжи», так как представляется, что от структуры ценностных ориентаций напрямую зависит характер активности этих людей в последующей социальной жизни. Волна философского постмодернизма, единственным результатом которого стало убеждение в многообразии и неиерархической организации ценностного мира, на эти трактовки особого влияния не оказала.

Между тем в социальной и духовной жизни последней трети XX, а тем более в начале XXI века наблюдаются тенденции, побуждающие пересмотреть отношение к тезаурусу, сложившемуся вокруг термина «ценность». В указанный период все более происходит разочарование в активистской установке культуры модерна. Представление об объективном характере нравственных ценностей, которое отстаивали многие этические учения, перестали отвечать «ситуации постмодерна», в которой находится современный человек. Предпосылкой для скепсиса в отношении действенности «этики ценностей» является неустрашимый плюрализм ценностей современного мира. Поэтому, если продолжать формулировать нравственные представления о правильной жизни в терминах ценностей, то на практике невозможно получить ничего, кроме бесконечных конфликтов на почве защиты «традиционных», «нетрадиционных», «культурно своеобразных» и т. п. ценностей. Попытки сформулировать список «общечеловеческих ценностей» чаще всего выглядит скучно и наивно. К числу более-менее удачных вариантов относится концепция прав человека, однако она, во-первых, формулирует свои утверждения не в терминах морали, а в терминах права, а во-вторых, сталкивается с серьезной критикой и практическим противодействием социальных групп, чья мораль не приемлет ни европейское представление о ценностях, ни саму идею поиска чего-то общечеловеческого в этой области.

Неуправляемый характер социальных процессов в эпоху глобализации, которая имеет рациональную самопрезентацию регулируемого проекта, хотя на

деле сеет неуправляемый хаос, а также экологическая ситуация, которая не поддается пока никакой регуляции и даже достоверному научному пониманию, свидетельствуют о том, что реальность категорически не приходит в соответствие с ценностным миром человека. Даже формирование у людей экологических ценностей и экологической установки сознания на деле не приводят к улучшению экологии (по крайней мере, в глобальных масштабах).

Представляется, что господство аксиологической проблематики в социальной философии и этике можно поставить под вопрос, подвергнуть сомнению успешность реализации аксиологических проектов в социальной практике и рассмотреть возможность решения современных проблем на базе «этики ответственности» – нового подхода к формулировке нравственных задач, которые стоят перед человеком и человечеством.

«Этика ответственности» как особый тип теории морали отличается и от «этики ценностей», и от «этики долга» тем, что ключевой категорией в ней становится понятие ответственности и (что очень важно) специфическое наполнение данной категории.

Мораль в этой теоретической системе не исходит из внешней инстанции (природной или супранатуралистической), поэтому нет никакой объективной шкалы ценностей, на которую можно или следует ориентироваться. Моральная ответственность не «возлагается» на человека некой высшей инстанцией с тем, чтобы он ее «принял» и «нёс», моральная ответственность трактуется как онтологическая характеристика человека, определяющая его бытие в мире – как способность к саморегуляции.

В «этике ответственности» ответственность перестает пониматься как следствие вины, возникающей в результате совершения религиозного греха или нарушения правового закона. В ответственности акцентируется ее положительный смысл – способность быть причиной поступков, быть мотивом активности субъекта, выражением его свободы. Соответственно новая трактовка предполагает не «ответственность перед...» той инстанцией, которая возложила на человека определенные обязанности и наказывает за их неисполнение чувством ответственности. Это «ответственность за...», за нормальное, некатастрофическое развитие процессов в сфере влияния данного субъекта. В отличие от ценностной парадигмы, предполагавшей неограниченное воздействие ценностно-ориентированного субъекта на события, этика ответственности четко указывает его границы. Более того, наличие таких границ и ограничение претензий на всемогущество является важнейшей характеристикой нравственного поведения.

Человек (сообщество и человечество в целом) определяет характер своей ответственности самостоятельно. Если «негативной ответственности» обычно

хочется избежать, позитивная ответственность – это возможность субъекта самореализоваться, принимать решения, брать протекающие процессы в свои руки, формировать нужные тенденции. Однако современный мир сполна продемонстрировал человеку границы его активизма, когда романтические представления о безграничном преобразовании природы и социума привели к экологическим и социальным катастрофам. Поэтому ответственный субъект в первую очередь отличается вниманием к естественным закономерностям, к множественности процессов и тенденций, протекающих в разных слоях мира и с разной скоростью. Возможность эффективно взаимодействовать с таким миром можно только понимая природу бифуркационных процессов, характер аттракторов как идеалов будущего.

Если говорить о том, что именно становится сферой ответственности современного человека, то в первую очередь, речь идет об ответственности за бытие живого Другого. Абсолютная, но беспредметная, ответственность в духе экзистенциализма сменяется ответственностью как «ответом» Другому, о которой писал Э. Левинас [4]. Глобальная ответственность персонализируется, становится конкретной, направленной на вполне определенного Другого, который понимается как живое и чувствующее существо.

Такой тип морально ответственного поведения требует особого субъекта морали, «того, кто» способен реализовать собственный проект в обществе риска, глобальной неустойчивости, всеобщей цифровизации и непредсказуемости. Поскольку главным субъектом морали остается личность, то качества этой личности будут определять содержание новой морали. Если культура модерна полагала некое универсальное понимание человеческой Личности с большой буквы, то после постмодернизма стало ясно, что ни форма морали (способ ее вменения), ни содержание морали (система ценностей) не являются универсальными. Если в идее метамодернизма [5] есть что-то стоящее, то новый субъект будет сознательно колеблющимся, тяготеющим к принципу рефлексивного равновесия в духе Дж. Ролза [6]. В отличие от рационального субъекта модерна, предполагавшего самопрозрачность автономно функционирующего практического разума, новый субъект морали будет рефлексивным. В процессе рефлексии как «обращения назад» он постоянно сравнивает ту точку нравственного развития, в которой находится с другими ситуациями в прошлом и будущем. Понимание субъектом ситуации теперь носит не автономный, а коммуникативный характер, а нравственные ценности не имеют ни чисто объективного, ни субъективного характера, а обретают свою значимость в моральном дискурсе. Еще одной характеристикой субъекта «этики ответственности» является соответствие моральной за-

дачи его силам. Вместо безграничного кантовского тезиса «должен – значит можешь», формулируется более скромный тезис: «можешь – значит должен», кому много дано, с того много и спросится.

Итак, переход к «этике ответственности» предполагает трактовку ответственности как самостоятельной онтологической характеристики человека, как положительной возможности субъекта самореализоваться, как ответственности за некатастрофическое развитие процессов в сфере влияния данного субъекта, как конкретной ответственности за бытие живого Другого. Такой переход не предполагает отречения от «этики ценностей» и от аксиологического дискурса. Напротив, сохранение нравственных ценностей и их воплощение в реальность возможно только благодаря ответственному рефлексивному и коммуникативному субъекту морали.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избранное. – М.: Гнозис, 1994. – С. 260-413.
2. Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей / Д. Г. Ротман [и др.]; под ред. Д. М. Булышко, А. Н. Данилова, В. В. Правдивца, Д. Г. Ротмана. – Минск: БГУ, 2016. – 219 с.
3. Ивин А. А. Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы // Философский журнал. – 2010. – № 1(4). – С. 66-78.
4. Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека / пер. с фр. – СПб.: Высш. религиоз. - философ. школа, 1998. – 265 с.
5. Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма / Аккер ван ден Робина и др. – М.: Рипол-классик, 2019. – 494 с.
6. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ., науч. ред. В. В. Целищева. – Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 1995. – 535 с.